

ОСОЗНАНИЕ СМЫСЛА И ЦЕЛЕЙ СВОЕГО БЫТИЯ КАК ФАКТОР ВНУТРИЛИЧНОСТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

К.В. Гавриловец, Т.Е. Титовец
БГПУ (г. Минск)

Одним из ключевых видов деятельности, к которым образование призвано приучать нынешнее поколение, является саморазвитие. К. Гуровский называл этот вид деятельности самителецством, Л. Толстой – самосовершенствованием. В современной педагогике его называют самовоспитанием. Нельзя сказать, что этот вид деятельности недооценен в научно-педагогических исследованиях. Широкую известность среди практиков получили работы А.И. Конотова, И.С. Кона, И.О. Мартынюка, А. Менегетти, Л.П. Шиповской, И.И. Казимирской, А.Н. Гурховой.

Вместе с тем опросы студентов первых курсов, вчерашних выпускников школ, показывают, что самовоспитание не стало элементом личного бытия значительной части будущих педагогов. Индивидуальные собеседования с молодыми людьми приводят к убеждению, что сквозным фактором в развитии нравственного самосознания подрастающего поколения должно стать внимание на всех возрастных этапах представлений растущей личности о смысле своего бытия.

Как справедливо отмечают философы, индивидуальное бытие человека противоречиво: человек не может смотреть на мир иначе, чем «сквозь призму» своего бытия, своего сознания, своего опыта; постигать его не иначе, чем собственной мыслью. Но из этого не следует, что он не должен научиться сопоставлять себя с миром, видеть свое бытие как часть и продолжение бытия мира, вопрошать о бытии как таковом [1, с. 327].

Проблема смысла жизни – вечная тема, над которой задумывается абсолютно каждый человек. Самоопределение в смысле своей жизни – сложный мировоззренческий конструкт, процессом которым начинается с разной мерой глубины с младшего школьного возраста и является для индивида фактором внутриличностной интеграции. Умение пережить несчастье, найти опору для сохранения убеждения, что жизни – самая главная ценность, если она наполнена личным смыслом, помочь другим людям, если они вдруг утратили смысл жизни, восходить к

молодые люди при включении в учебно-воспитательный процесс обозначенного направления обогащают представления учащихся о смысле и целях жизни человека, активизируют познавательную деятельность учащихся в смысловом самоопределении.

Выпускнику педагогического вуза важно в полной мере освоить само содержание такого сложного и интегративного понятия как жизненная цель личности, увидеть ее функции в психологическом благополучии и жизненном самоутверждении индивида. В данной статье представлены результаты междисциплинарного анализа сущности жизненных целей и устремлений человека, их роли в обеспечении человеческого счастья, а также критериев условий эффективного целеполагания, знание которых вооружает будущего учителя методическим ориентиром в проведении воспитательной работы с подрастающим поколением.

Философская антропология определяет жизненные смыслы и цели личности как закономерный механизм реализации фундаментальных человеческих потребностей. Как полагают выдающиеся мыслители Э. Фромм, Тейяр де Шарден, В. Франкл, М. Шелер, человек в протяжении всей жизни озабочен проблемой конечности своего бытия и вынужден думать о том, что определяет его высшее предназначение в жизни. Именно эта озабоченность формирует и направляет самые глубокие целевые стремления человека, подчиняя себе цели более низкого уровня. Индивидуальное чувство благополучия зависит от способности человека двигаться к достижению тех целей, которые удовлетворяют его фундаментальные потребности: в творчестве, красоте, общении, автономии (самостоятельности в принятии жизненных решений) – т.е. целей, которые придают его существованию смысл.

В культурологии жизненные цели личности рассматриваются как зависимая переменная типа культуры, в которой она живет. Так в западной культуре духовные устремления человека формулируются в терминах «делания» (победить свою лень, стать творцом «чужой» радости, совершить открытие и т.д.), в восточной преобладает модальность не делания, а существования (жить так, чтобы быть в мире с другими людьми и самим собой).

Культурные различия также накладывают свой отпечаток на то, как мы воспринимаем жизненные события, и в зависимости от этого формулируем цель. Одно и то же жизненное событие (например, потеря трудоустройства) воспринимаются по-разному: оно может рассматриваться как источник страдания, ниспосланное человеку испытание трудных обстоятельствами, чтобы проверить его силу духа и смирения, либо как перемена, знаменующая возможность нового витка в личностном росте, работы над собой в том направлении, чтобы не повторять прежних ошибок. Разница в смысловых установках на восприятие такого события у разных народов будет обуславливать их разницу в формулировке жизненных целей [8].

Наиболее существенное влияние на характер жизненных целей личности оказывает специфика для каждого народа признаки человеческого достоинства, критерии общественного признания и уважения одного человека другим. Культурное сообщество, где успешность и достоинство человека определяется в терминах здоровья, богатства и социального статуса, и, наоборот, слабо поддерживаются духовные устремления человека, неизбежно заставляют своих граждан формулировать жизненные цели, игнорирующие структурную потребность сфер человека, и, следовательно, приводящие к внутренней дезинтегрированности личности, конфликту с самим собой [2]. Таким образом, культурное своеобразие не отменяет глубинной закономерности развития человека в онтогенезе и антропогенезе: человек рождается со способностью к целеполаганию для того, чтобы полноценно реализовать свою духовную природу и оставить след в бесконечности. Однако специфика культурного наполнения духовных устремлений индивида подсказывает сам способ формулировки и достижения поставленной жизненной цели – способ, который соответствует сложившимся ценностям заданной культуры и делает самореализацию индивида средством единения, а не разобщения с его народом.

Сведения о жизненных целях личности, полученные из философской антропологии и культурологии, коррелируют с рядом открытий в психологии. Так, идея о прямой связи целей и устремлений человека с механизмами реализации фундаментальных потребностей подтверждается следующими научными фактами, полученными в ходе психологических исследований [3-6]:

- даже при отсутствии гедонистического счастья наличие жизненной цели придает чувство радости и осмысленности жизни, а устойчивость целевой ориентации является гарантом долгосрочного субъективного благополучия даже в тяжелых жизненных обстоятельствах;
- достижение цели приносит радость, а чувство гнева, зависти и другие отрицательные эмоции – это прибор для фиксации отсутствия духовного прогресса человека в его движении к цели;
- само по себе обладание ресурсом (если ресурс не был частью поставленной цели и его приобретению) не приносит личности удовлетворение;

- стремления, связанные со становлением духовной общности с другими людьми, предполагают более высокий уровень благополучия, чем стремления, связанные с обретением и другими внешними целями (произвести впечатление на других и т.д.);
- изменение и рост в целевой системе более благотворно влияет на самочувствие человека, чем поддержание статус-кво.

Но менее информативную картину влияния процесса целеполагания на индивидуальное состояние человека предоставляет нам нейролингвистика. Нейролингвистика изучает то, как форма формулирования жизненной цели влияет на психические и физиологические процессы человека. Цели, сходные по содержанию, но сформулированные разными языковыми формами, оказывают не равнозначное воздействие на психику человека. Приведем конкретные примеры. Одни люди пользуются целями более абстрактного (высокого) уровня, чем другие. Когда цель является очень абстрактной («сделать что-то великое»), труднее отслеживается прогресс в ее достижении из-за неопределенности критериев успеха. Напротив, в том случае, если цель сформулирована на слишком низком уровне или крайне неопределенно («думай о себе positively»), она не позволяет затрагивать глубинные механизмы самопознания и рефлексии. Само целеполагание состоит в том, чтобы отыскать золотую середину между «грандиозными мечтами» и «тривиальными занятиями» и выбрать реально достижимую, конкретную цель, соответствующую, однако, с ценностями и смыслами высшего уровня [7].

Формулировка целей также различается по признаку избегания и приближения. Цели-избегания («не допускать, чтобы ...»), менее продуктивны, чем цели-приближения (позитивные, желательные мотивы), поскольку они опираются на менее эффективный способ переработки информации (существует множество путей к нежелательному явлению, каждый из которых нужно держать в памяти), требуют более трудоемкой аналитической работы и предполагают зависимость человека в контролируемое, а не самодетерминируемое поведение, что само по себе является признаком психологического неблагополучия [7].

Наконец, весомый вклад в понимание природы жизненных целей человека вносят философия и медицина. В контексте психосоматической теории физические заболевания и дисфункции («не допускать, чтобы ...»), менее обусловлены содержанием его жизненных целей. И главным признаком нездоровья человека она признает конфликтующие системы целей, а также их амбивалентность [6]. Конфликт целей – это невозможность придерживаться двух целей одновременно (в силу их противоречия друг другу). Амбивалентность целей предполагает наличие желания в достижении цели, но отсутствие готовности (слабая сила воли, страх) в ее достижении, когда не сама цель, а процесс ее реализации представляется пугающим. Если средством устранения амбивалентности выступает мобилизация волевой сферы человека, то средством устранения целевого конфликта может быть обращение к высшим жизненным смыслам личности, приносящее осознание, что какая-то цель не может быть достигнута из-за цели более высокого уровня значимости.

Междисциплинарная рефлексия концепта «жизненные цели личности» позволила объединить общее ядро в интерпретации сущности и функций способности человека к целеполаганию: процесс постановки и достижения цели – это необходимый механизм интеграции человека с миром и самим собой, который поддерживается и регулируется эмоцией радости, удовлетворенности. И, наверное, не случайно, этимология слова «цель» произвольно относит нас к понятию «целостность»: жизненные цели человека – это подсознательный образ той целостности, к которой он движется на протяжении своего земного существования, руководствуясь ее внутренним светом и подпитываясь энергией счастья, возникающей на промежуточных этапах приближения к Целому.

Список использованных источников

1. Введение в философию: учебник для вузов / под общ. ред. И.Т. Фролова. – В 2 ч. Ч. 1. – М., 1990. – 367 с.
2. Зеленкова, И.П. Проблема смысла жизни: опыт историко-этического исследования / И.П. Зеленкова. – Минск, 1991. – 125 с.
3. Леонтьев, Д.А. Понимание смысла и смысл понимания / Д.А. Леонтьев / Понимание: опыт междисциплинарного исследования. – М.: Смысл, 2006. – С. 20-27.
4. Леонтьев, Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 1999. – С. 249-250.
5. Мартынюк, И.О. Жизненные цели личности: понятие, структура, механизмы формирования / И.О. Мартынюк. – М.: Новикова думка, 1991.
6. Эммонс, Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Р. Эммонс / под ред. И.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 416 с.
7. Personality psychology: recent trends and emerging directions / Ed. D.V. Buss, N. Cantor. – New York: Springer-Verlag, 1989. – Pp. 15-31.
8. Myers, D. Who is happy? / D. Myers, E. Diener // Psychological science. – 1995. – N 6. – Pp. 10-19.